На правах рукописи

Рафикова Светлана Анатольевна

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СИБИРСКИХ ГОРОЖАН В 1960-е ГОДЫ

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Новосибирск 2013

Работа выполнена в секторе истории социально-экономического развития Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

НАУЧНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ:

Исаев Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Казанцев Юрий Ильич – доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин)», заведующий кафедрой истории Отечества

Рыженко Валентина Георгиевна – доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского», профессор кафедры современной отечественной истории и историографии

Славина Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева», профессор кафедры отечественной истории

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Сибирский федеральный университет»

Защита состоится 23 декабря 2013 г. в 10 час. 30 мин. на заседании Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций Д 003.030.01 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Автореферат разослан «…» …….. 2013 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат исторических наук **Д. Г. Симонов**

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Ретроспективное исследование повседневности является актуальным направлением научной реконструкции прошлого и наиболее значимым проявлением антропологического поворота, суть которого видится в возвращении Человека в обезличенную историю. Не случайно за последние годы именно «история снизу» стала одним из ведущих векторов познания общества. Ее широта, всеохватность, интегративность, все большая динамичность и вариативность, позволяет раздвинуть познавательные горизонты, объединить в единую систему макроуровень исследования, конкретный событийный ряд и реальную жизнь людей; совместить логический анализ с жизненной практикой и повседневным опытом обывателей. Без этого картина прошлого не может быть объективной.

Актуальность обусловлена и обращением к истории города, являющегося средоточием основных социальных процессов и зоной интенсивной концентрации экономической, политической, культурной жизни, вследствие чего в исторической перспективе возрастает удельный вес горожан и их роль в социуме.

Тема актуальна также с точки зрения осмысления современных общественных процессов, выработки взвешенной социальной политики. Она важна и потому, что целое поколение сегодняшних россиян сформировалось в 1960-е годы и испытывает значительные трудности адаптации к нынешним реалиям. Комплекс разрабатываемых и осуществляемых государством мер социальной и психологической поддержки требует поиска эффективных способов инкорпорирования представителей этого поколения в общество, признания значимости их вклада в развитие страны, ценности жизненного опыта. Изучение истории повседневности способствует наведению межпоколенных мостов понимания с людьми «другой эпохи», что является важной задачей образования и воспитания молодежи.

Исследование темы в региональном аспекте, изучение исторического опыта освоения и специфики Сибири, не выводимой из общероссийских и общесоюзных тенденций, дает знание действительного положения дел в этом стратегически важном регионе страны и ценный материал для разработки научно-обоснованной программы его дальнейшего развития.

Степень научной разработанности темы определяется, во-первых, концептуальными трудами, позволяющими проследить становление истории повседневности в контексте антропологизации мировой науки и выделить наиболее перспективные направления в ее изучении; во-вторых, - знаковыми работами, достижениями и проблемными точками в историографии советского и постсоветского периода в целом и на уровне региональной/сибирской компоненты в частности.

Концептуальное становление истории повседневности[1] как особого научного направления началось сравнительно недавно, но имеет богатую предысторию в виде традиционного бытописания[2]. Несмотря на достаточно описательный характер, эти работы вполне антропологически ориентированы. В них содержатся ценные сведения об обитателях, среде обитания (природа, поселения, жилища), вещном мире, повседневных практиках (питание, врачевание, гигиена), обрядности (крещение, свадьба, похороны). Новые перспективные методы социального исследования применительно к повседневной жизни города были заложены в начале XX века Чикагской школой, увидевшей в урбанистической среде своеобразную «лабораторию» для изучения человеческого поведения и социальных взаимодействий[3].

Важной вехой в осмыслении истории повседневности стала деятельность французской школы «Анналов». Ее основатели, сохранив классические принципы системности и историзма, выдвинули идеал тотальной истории, отстаивая новые для исторической науки «способы чувствовать и мыслить». С этих позиции повседневность предстала как мир людей, проявляющийся не только через материальную культуру, но и через повседневные практики, ментальность[4]. На этапе постиндустриального развития общества опыт школы «Анналов» получил дальнейшее развитие. Пробуждению интереса историков к «практической логике» повседневной жизни людей способствовали работы П. Бурдье[5]. Многие идеи, позволяющие осмыслить человеческую повседневность, были развиты в рамках феноменологической школы, впервые теоретически осмыслившей повседневность как сферу человеческого опыта и особую форму восприятия и осмысления «жизненного мира»[6]. Неоценимый вклад в осознание человека и его места в истории внесла антропологическая школа, эволюционировавшая от исследования

---

[1] Подробнее см.: *Репина Л. П.* Социальная история и историческая антропология: новейшие тенденции в современной британской и американской медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1990. М, 1990. С. 167-181; *Оболенская С. В.* «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Там же. С. 182-198; История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996; *Козлова Н. Н.* Социально-историческая антропология: учебник. М., 1998; *Ким С. Г.* Историческая антропология в Германии: методологические искания и историографическая практика. Томск, 2002; *Кром М. М.* Историческая антропология. СПб, 2004; *Пушкарева Н. Л.* История повседневности: предмет и методы // Социальная история: Ежегодник, 2007. М., 2008. С. 9-54; др.

[2] Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992; Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях. М., 2000; др.

[3] Thomas W., Znanieki F. The Polish Peasant in Europe and America. Chicago, 1918-1920; Park R., Burgess E., McKenzie R. The City: Suggestions for the Study of Human Nature in the Urban Environment. Chicago, 1925; Wirth L. Urbanism As A Way of Life // American Journal of Sociology. 1938. №44. P. 1-24.

[4] *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986; *Он же.* Феодальное общество. Т. I. Ч. I. Кн. 2: Условия жизни и духовная атмосфера. М., 2003. С. 64-124; *Февр Л.* Бои за историю. М., 1991; *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М. 1986; др.

[5] *Бурдье П.* Практический смысл. СПб., 2001.

[6] *Гуссерль Э.* Избранные работы. М., 2005; *Шюц А.* Избранное: мир, светящийся смыслом. М., 2004.

длительных процессов и устойчивых структур к изучению практик и стратегий поведения реальных индивидов и групп[7].

Анализ отечественных исследований показал, что вначале изучение повседневности развивалось вполне в русле общеисторических тенденций. Пионером и классиком изучения жизни людей советского общества стал С. Г. Струмилин. Исследуя потребительские бюджеты, инвентарные переписи имущества семей и бюджеты времени (БВ) рабочих и крестьян, он одним из первых попытался запечатлеть материально-вещную среду и деятельность в этой среде[8]. Значительный вклад в бытописание 1920-х годов внесла Е. О. Кабо, создав развернутую картину домашнего быта, семейных отношений, общественного и культурного облика рабочей семьи. Под ее руководством в 1924 г. было проведено первое монографическое изучение быта[9].

Однако в 1930-е годы, в пору расцвета школы «Анналов», во многом задавшей вектор антропологизации истории, изучение жизни обычных людей в СССР попадает почти на три десятилетия в разряд неактуальных тем. Единичные работы отечественных ученых, созвучные инновационным западным веяниям, в основном обходили советскую действительность стороной, обращаясь к эпохам более отдаленным[10].

Актуализация исследования отдельных элементов повседневности произошла лишь на рубеже 1950-60-х годов. «Оттепель» и курс на построение коммунизма дали зеленый свет научным изысканиям в этой области. Новый историографический этап характеризовался обогащением тематики, активным участием представителей различных дисциплин, значительным расширением хронологических рамок, включивших в сферу изучения недавнее прошлое и даже современность. Первые работы той поры имели в основном пропагандистский характер, но одновременно появились и научные разработки, начали формироваться оригинальные и перспективные направления исследований, первоначально – преимущественно неисторические.

Экономисты анализировали общие закономерности и тенденции развития народного хозяйства страны и отдельных ее регионов, проблемы формирования трудовых ресурсов,

---

[7] *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С.207-236; *Гренди Э.* Еще раз о микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 1996. М., 1997. С.291-302; *Леви Дж.* К вопросу о микроистории // Там же. С.167-190; *Людтке А.* Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М., 1999; *Томпсон П.* Голос прошлого. Устная история. М., 2003; Alltagsgeschichte: Zur Rekonstruktion historischer Erfahrungen und Lebensweisen. Frankfurt/Main, 1989; *Eley G.* Labor History, Social History, Alltagsgeschichte: Experience, Culture, and the Politics of the Everyday Life - a New Direction for German Social History? // The Journal of Modern History. 1989. Vol. 61. № 2. P. 297-343; The History of Everyday Life: Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life. Princeton, 1995; др.

[8] *Струмилин С. Г.* Избранные произведения в 5 томах. Т.3, 4. М., 1964.

[9] *Кабо Е. О.* Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Т. 1. М., 1928; *Она же.* Быт // Быт, время, демография. Информационный бюллетень №13. М., 1968. С.14-16.

[10] *Романов Б. А.* Люди и нравы древней Руси. (Историко-бытовые очерки XI—XIII вв.). Л., 1947.

показатели материального благосостояния народа[11]. Актуальным направлением в изучении жизненного уровня трудящихся стало возрождение практики использования потребительских бюджетов, попытки расчета нормативных и рациональных показателей потребления[12].

Большой вклад в разработку региональных аспектов материально-бытового положения трудящихся внесли сотрудники Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) СО АН СССР, изучавшие реальную заработную плату и ее зависимость от «стоимости жизни»; миграционную подвижность; демографические характеристики населения[13]. Принципиально прозвучал их вывод об отставании сибиряков от жителей других регионов по всем основным параметрам жизненного уровня. Под руководством В. Д. Патрушева и Г. А. Пруденского возобновились обследования БВ, была обоснована новая классификация затрат времени, используемая по сей день[14].

Яркой приметой того периода явился настоящий взрыв социологических исследований. Интересная работа на сибирском материале была проделана Р. В. Рывкиной, впервые предпринявшей попытку многомерного описания образа жизни сельчан[15]. Социологические методы активно проникли в культурологические исследования, благодаря чему повседневность стала изучаться через призму культуры, семейной деятельности, досуга[16]. На стыке дисциплин создаются работы М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, А. Я. Гуревича, Б. Ф. Поршнева и других признанных авторов[17], обогативших изучение повседневности диалогическим, семиотическим,

---

[11] *Фигурнов С. П.* Реальная заработная плата и подъем материального благосостояния трудящихся в СССР. М., 1960; Статистика изучения спроса и потребления. М., 1966; *Кряжев В. Г.* Внерабочее время и сфера обслуживания. М., 1966; *Майер В. Ф.* Доходы населения и рост благосостояния народа. М., 1968; *Кунельский П. Э.* Социально-экономические проблемы заработной платы. М., 1972; *Комаров В. Е., Чернявский У. Г.* Доходы и потребление населения СССР. М., 1973; *Матюха И. Я.* Статистика жизненного уровня населения. М., 1973; *Комаров В. Е., Улановская В. Д.* Социально-экономическая эффективность сферы услуг. М., 1980; Методологические вопросы изучения уровня жизни трудящихся. Вып.1,2. М., 1959, 1962; Народное благосостояние: методология и методика исследования. М., 1988; *Римашевская Н. М.* Методы анализа и прогнозирования уровня жизни. М., 1980; *Саркисян Г. С.* Народное благосостояние в СССР. М., 1983; Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе. М., 1985; Экономический рост и подъем народного благосостояния. М., 1987.

[12] *Саркисян Г. С., Кузнецова Н. П.* Потребности и доход семьи. М., 1967.

[13] *Переведенцев В. И.* Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск, 1966; Территориальные проблемы доходов и потребления трудящихся. М., 1966;Западно-Сибирский экономический район. М., 1967; *Калиновский Н. П.* Районные различия реальной заработной платы рабочих и служащих. М., 1966; *Еловиков Л. А.* От рубежа к рубежу. Новосибирск, 1972; *Шарипов А. Ю.* Сфера услуг сибирского региона. Новосибирск, 1979; Население, трудовые ресурсы и уровень жизни в Западной Сибири. 1959-1980 гг. Ч.1. Новосибирск, 1980; др.

[14]Статистика бюджетов времени трудящихся. М., 1967; Бюджет времени городского населения. М., 1971; *Болгов В. И.* Бюджет времени при социализме: Теория и методы исследования. М., 1973; Вопросы использования и прогнозирования бюджетов времени. Новосибирск, 1973; Бюджет времени: Вопросы изучения и использования. Новосибирск, 1977; *Патрушев В. Д.* Использование совокупного времени общества. М., 1978; Время населения города: Планирование и использование. Новосибирск, 1982; *Артемов В. А.* Социальное время: Проблемы изучения и использования. Новосибирск, 1987; др.

[15] *Рывкина Р. В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск, 1979.

[16] Кино и зритель. М., 1968; Духовный мир советского рабочего. М., 1972; Книга и чтение в жизни небольших городов. М., 1973; Социологические исследования проблем духовной жизни трудящихся Урала. Свердловск, 1974; Культура семьи как объект социологического исследования. Свердловск, 1980; Культурная деятельность: Опыт социологического исследования. М., 1981; др.

[17] *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. М., 1966; *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.,

антропологическим, социо-психологическим подходами. Новаторским явилось использование материалов социологических обследований историками, зачастую принимавших в них непосредственное участие[18]. Часть работ, посвященных в основном периоду позднего средневековья, имела во многом этнографическое звучание. Одна из крупнейших советских школ по изучению повседневности сформировалась в Новосибирском научном центре благодаря М. М. Громыко и Н. А. Миненко[19]. Этнографы значительно приблизились и к изучению современности, по сопредельным регионам имеются интересные данные[20].

Положительной оценки заслуживают наработки в области городоведческой тематики и урбанистики, затрагивающие многие актуальные для исследования проблемы: сущность города как цельной системы и живого организма; ритм его жизни и бюджет времени; процесс формирования городского населения и городского образа жизни[21]. В региональной историографии на общем фоне публикаций справочного и популярного характера, посвященных истории отдельных городов, следует выделить историко-социологические работы по новым городам[22], а также комплексные исследования экономико-географического плана[23]. Достаточно активно стали изучаться вопросы состава, структуры, стадий жизненного цикла городской семьи, во многом актуализированные развитием массового жилищного строительства[24].

Накопленный многими науками багаж знаний и широкий спектр подходов вкупе с массивом отложившихся в архивах источников, создал необходимую базу для проведения

1972; *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни: Бытовое поведение как историко-психологическая категория // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25-74 (Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С.331-384).

[18] *Гордон Л. А., Левин Б. М.* Пятидневка: культура и быт. М., 1967;. *Гордон Л. А., Клопов Э. В.* Человек после работы. М., 1972; *Труфанов И. П.* Проблемы быта городского населения СССР. Л., 1973; *Гордон Л. А.* Прогресс повседневной бытовой деятельности советских рабочих в 60-70-е гг. М., 1983.

[19] *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой пол. XIX в.). Новосибирск, 1979; *Она же.* Живая старина: Будни и праздники сибирской деревни в XVIII – первой пол. XIX в. Новосибирск, 1989.

[20] Этнографическое изучение быта рабочих: по материалам отдельных промышленных районов СССР. М., 1968; Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила. 1917-1970. М., 1974; *Анохина Л. А., Шмелева М. И.* Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977; Этнографические аспекты изучения современности. Л., 1980; Семейный быт народов СССР. М., 1990.

[21] *Пароль В. И. Переведенцев В. И.* Города и время. М., 1975; *Хорев Б. С.* Проблемы городов (Урбанизация и единая система расселения в СССР). М., 1975; *Медведков Ю.* Человек и городская среда. М., 1978; *Корель Л.* Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск, 1982; Социалистический город: Урбанизационный процесс и образ жизни горожан. Таллинн, 1982; *Лаппо Г.* Города на пути в будущее. М., 1987.

[22] *Лукьяненко В. И.* Города, рожденные волей партии. Иркутск, 1973; Проблемы социального развития новых городов в автономном районе освоения. Красноярск, 1981; *Куцев Г.* Новые города (Социологический очерк на материалах Сибири). М., 1982.

[23] *Малинин Е. Д., Ушаков А. К.* Население Сибири. М., 1976; *Воробьев В. В.* Население Восточной Сибири. Современная динамика и вопросы прогнозирования. Новосибирск, 1977; *Мангатаева Д. Д.* Городское население Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1978; *Перцик Е. Н.* Город в Сибири: Проблемы, опыт, поиск решений. М., 1980; др.

[24] *Харчев А. Г., Голод С. И.* Профессиональная работа женщин и семья. Л., 1971; *Васильева Э. К.* Семья и ее функции. М., 1975; Демографические проблемы семьи. М., 1978; Янкова З. А. Городская семья. М., 1979; *Волков А. Г.* Семья – объект демографии. М., 1986; др.

исторических исследований. На уровне региональной историографии начинается активное изучение социальной политики государства, материальных условий жизни населения, коммунально-бытовой инфраструктуры. Это нашло отражение в фундаментальных трудах по истории рабочего класса[25]. В ряду ученых-первопроходцев, заложивших основу сибирской школы историко-социальных исследований, необходимо назвать имена В. В. Алексеева, А. С. Московского, а также их учеников-последователей С. С. Букина, В. И. Исаева[26].

Таким образом, в 1960-80-е годы, после почти тридцатилетнего перерыва, представителями различных дисциплин вновь стали достаточно активно изучаться вопросы, непосредственно касающиеся жизни людей. Наиболее ценными наработками данного периода явились результаты экономических, социологических, этнографических исследований, внушительный базис для дальнейшей работы был создан социальными историками. Однако антропологизация еще ограничивалась редкими попытками обращения к сфере быта, преимущественно через призму статистических показателей роста народного благосостояния. Люди рассматривались в основном как объект истории, их превращение в субъект тормозилось спецификой господствовавших методологических установок, недостатком методик, ограниченностью источниковой базы.

Прологом резких перемен в изучении повседневности явилась перестройка, с началом которой период 1960-х годов впервые получил возможность быть объективно оцененным. Однако перестроечные процессы, с одной стороны, кардинально расширив исследовательские горизонты, с другой стороны, усугубили разноплановые кризисные явления (от потери методологических ориентиров до скудного финансирования научной деятельности). На фоне превалировавшей социально-политической тематики[27] изучением повседневности продолжали заниматься те ученые, которые разрабатывали эту тему ранее.

Постепенно антропологизация исторических исследований набирала обороты[28]. Знаковым событием стало создание Научного совета по изучению истории повседневности при РАН под руководством академика Ю. А. Полякова сделавшего программное заявление: «История по существу – это повседневная жизнь человека в ее историческом развитии»[29]. Примечательно, что история XX века стала изучаться активнее, чем древняя. В числе первых к исследованию нового поля недавнего прошлого обратилась философ Н. Н. Козлова, не только теоретически

---

[25] Рабочий класс СССР. 1951-1965 гг. М., 1969; Рабочий класс СССР. 1966-1970 гг. М., 1979; Рабочий класс Сибири. 1961-1980 гг. Новосибирск, 1986; др.

[26] *Алексеев В. В., Букин С. С.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма. Новосибирск, 1980; *Букин С. С.* Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири. 1946-1960 гг. Новосибирск, 1984; *Исаев В. И.* Быт рабочих Сибири (1926-1937). Новосибирск, 1988.

[27] *Медведев Р. А.* Н.С.Хрущев: политическая биография. М., 1990; *Аксютин Ю. В.* Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953-1964 гг. М., 2000; *Пыжиков А. В.* Хрущевская оттепель. М., 2002; др.

[28] Подробнее см.: Одиссей. Человек в истории. 1989. М., 1989. С. 183-190; Там же. 1993. М., 1994. С. 300-318; *Бессмертный Ю. Л.* Жизнь и смерть в Средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991; др.

[29] *Поляков Ю. А.* Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. 2000. № 3. С. 125.

осмыслив повседневность, но и наполнив ее результатами «полевой работы»[30]. В. Д. Лелеко сделал «пространство повседневности» предметом культурологического анализа, с учетом пространственно-временного, вещно-предметного и событийного факторов[31]. Признавая научную ценность его работ, нельзя согласиться с предложенной автором структурой БВ и попытками свести повседневность к суточному ритму жизни. Изучение повседневных практик на новом этапе продолжили этнологи[32].

Во многом тон и направленность историческим исследованиям повседневности были заданы Н. Б. Лебиной, которая в монографии о жизни советского города проанализировала пьянство, преступность, проституцию, самоубийства и прочие «аномалии», а также политику властей в этих сферах[33]. В ряду знаковых исторических трудов можно назвать исследования С. В. Журавлева, методами биографической реконструкции и микроанализа изучившего роль «маленького человека» на производстве и в быту на примере иностранной колонии московского Электрозавода 1920-1930-х годов[34]. Работы Е. А. Осокиной посвящены экономическим аспектам повседневности первых советских пятилеток, автор приходит к выводу о существовании хронического дефицита как имманентного состояния советской распределительной системы, на которое обыватели реагировали выработкой собственных адаптивных практик[35]. Г. В. Андреевский обращается к микроанализу повседневной жизни сталинской Москвы, в т.ч. посредством широкого вовлечения в научный оборот воспоминаний и периодики[36]. Е. Ю. Зубкова изучает послевоенную повседневность, основной стратегией которой было выживание, а также – политические перемены и механизмы формирования общественного мнения[37].

Многие аспекты жизни обычных советских людей изучались и зарубежными историками, зачастую в силу понятных причин опередившими по времени и смелости выводов своих советских/российских коллег. Основное внимание иностранные исследователи уделили

---

[30] *Козлова Н. Н.* Горизонты повседневности: голоса из хора. М., 1996.
[31] *Лелеко В. Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. СПб., 2002.
[32] *Утехин И. В.* Очерки коммунального быта. М., 2004.
[33] *Лебина Н. Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999. Впоследствии она обратилась к более широкому спектру вопросов, см.: *Лебина Н.*, Чистяков А. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан. СПб., 2003; *Лебина Н.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб., 2006; др.
[34] *Журавлев С.* «Маленькие люди» и «большая история». Иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-х - 1930-х гг. М., 2000.
[35] *Осокина Е. А.* Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928-1935 гг. М., 1993; *Она же*. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. М., 1999.
[36] *Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. М., 2003.
[37] *Зубкова Е. Ю.* Общество и реформы. 1945-1964. М., 1993; *Она же.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953 гг. М., 1999.

общественно-политическим процессам и жизненному уровню населения в СССР[38]. Особо отметим работы Ш. Фитцпатрик, одной из первых применившей методологию истории повседневности в исследовании советского общества[39]. Она убедительно показала силу преимущественно пассивного, ментального, скептического, иждивенческого, но массового и повседневного, а потому - эффективного сопротивления обывателей произволу властей.

На уровне региональной историографии продолжила результативно и творчески работать новосибирская школа. В. И. Исаев более полно и многофакторно проанализировал социально-политические и бытовые аспекты сибирской повседневности, модели адаптации крестьян к условиям города[40]. С. С. Букин исследовал материальные условия жизни горожан и способы удовлетворения их потребностей[41]. Специальные главы, посвященные материальному положению, отводятся М. М. Ефимкиным и Ю. И. Казанцевым в монографиях по истории рабочего класса 1960-80-х годов[42]. Н. В. Куксанова изучила опыт жилищного строительства и благоустройства жилого фонда сибирских городов, сферу бытового обслуживания населения и здравоохранения[43]. Одна из попыток «очеловечить» историю через бытописание была предпринята и диссертантом[44]. Интересные труды по истории повседневности Западной Сибири через призму культуры созданы представителями омской школы, хотя посвящены они в основном сталинскому периоду[45]. Интересующий нас период креативно исследован в духе локальной истории в недавно изданной совместной монографии А. В. Жидченко и

---

[38] *Conquest R.* Industrial Workers in the USSR. J., 1967; *Inkeles A.* Social Change in Soviet Russia. Cambridge, 1968; *Lane D.* Politics and Society in the USSR. London, 1970; *Hollander P.* Soviet and American Society.New York, 1973; *Matthews M.* Privilege in the Soviet Union. A Study of Elite Life-Styles under Communism. London, 1978; *McAuley A.* Economic Welfare in the Soviet Union: Poverty, Living Standards, and Inequality. London, 1979; *Tarschys D.* The Soviet political agenda. Problems and priorities, 1950-1970. London, 1979; Khrushchev and Brezhnev as Leaders: Building Authority in Soviet Politics London, 1982; *Shlapentokh V.* Public and private life of the Soviet people: changing values in post-Stalin Russia. New York, Oxford, 1989; *Fitzpatrick Sh.* Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // Journal of Modern History. 1993. №65; *Boym S.* Common Places. Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge; London, 1994; *Baron S.* Bloody Saturday in the Soviet Union: Novocherkassk, 1962. Stanford, 2001; *Taubman W.* Khrushchev. The Man. His Era. London, 2005; *Renkama J.* Ideology and challenges of political liberalisation in the USSR, 1957-1961: Otto Kuusinen's «Reform Platform», the State Concept, and the Path to the 3rd CPSU Programme. Helsinki, 2006; *Пайпс Р.* Россия при большевиках. М., 1997; *Мерль Ст.* Экономическая система и уровень жизни в дореволюционной России и Советском Союзе: ожидания и реальность // Отечественная история. 1998. №1. С.97-117; *Рольф М.* Советские массовые праздники. М., 2009; *Буббайер Ф.* Совесть, диссидентство и реформы в Советской России. М., 2010; др.

[39] *Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. N.Y., 1999; *Фитцпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы. М., 2008.

[40] *Исаев В. И.* Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе, условия и механизмы социализации (1920-30-е гг.) Новосибирск, 2003.

[41] *Букин С. С.* Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х - 1950-е гг.). Новосибирск, 1991; *Букин С. С., Исаев В. И.* Новосибирцы: очерки истории повседневной жизни: конец XIX - начало XXI вв. Новосибирск, 2008.

[42] *Ефимкин М. М.* Рабочие Сибири. Конец 50-х - середина 80-х годов. Новосибирск, 1990; *Казанцев Ю. И.* Рабочие Сибири (60-е - середина 80-х гг.). Екатеринбург, 1992.

[43] *Куксанова Н. В.* Социально-бытовая инфраструктура Сибири (1956-1980 гг.). Новосибирск, 1993.

[44] *Рафикова С. А.* Быт рабочих промышленности Западной Сибири в 1960-е гг. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1991.*Она же.* Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы. Красноярск, 2007.

[45] Городская культура Сибири: история и современность: сб. научных трудов. Омск, 1997; Пространство советского города (1920-е-1950-е гг.): теоретические представления, региональные социокультурные и историко-культурологические характеристики (на материалах Западной Сибири). Омск, 2004; др.

В. Г. Рыженко[46]. Иркутский исследователь А. В. Шалак рассмотрел широкий спектр вопросов демографического и социального развития Восточной Сибири в 1940-е годы, в т.ч. механизмы действия распределительной системы государства в отношении различных групп населения[47].

На новый уровень вышло и исследование города. Наряду с написанием истории отдельных городов[48], появляются антропо-социо-культурные, историко-демографические и геоурбанистические исследования[49]. Немало работ по городоведческой тематике написано на сибирском материале, хотя в основном посвящены они более раннему периоду[50]. Следует особо выделить первое в своем роде справочно-аналитическое издание, вышедшее под редакцией Н. Я. Гущина и В. А. Исупова, в котором на основе итогов Всесоюзных переписей населения комплексно описано развитие населения Западной Сибири[51]. Необходимо также отметить появление ряда работ по аграрной истории региона, представляющих интерес выходами в научное изучение демографического поведения, образа жизни, ментальности сибирского крестьянства, являвшегося значимым источником пополнения городского населения[52].

На рубеже XX-XXI веков история повседневности пережила настоящий бум. Курсы по ее истории и культуре вводятся в учебные программы, соответствующие рубрики появляются в популярных журналах, научные изыскания в данном предметном поле становятся массовыми, публикуются целые серии работ, лавинообразно возрастает количество защищаемых

---

[46] *Жидченко А. В., Рыженко В. Г.* История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–60-е гг. Омск, 2013.

[47] *Шалак А. В.* Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940-1950 гг.). Иркутск, 2000.

[48] Города Сибири и Дальнего Востока: Краткий экономико-демографический справочник. М., 1990; *Торосов В. М.* Абакан: города и поселки Красноярского края. Красноярск, 1990; *Журавлев М. П.* Омск: вчера, сегодня, завтра. Омск, 1993; *Кружинов В. М.* Тюмень: вехи истории. Екатеринбург, 1997; Очерки истории города Омска. Омск, 1997; *Миненко Н. А., Федоров С. В.* Омск в панораме веков. Омск, 1999; *Привалихина С. В.* Мой Томск. 2-е изд., испр. и доп. Томск, 2000; *Беспалова Л. Г.* Тюмень из дальних и близких лет. Тюмень, 2001; Улан-Удэ: история и современность. Улан-Удэ, 2001; *Чернова Ю. В.* Новые города Иркутской области (1950-1980 гг.): историческое исследование: Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Иркутск, 2002; Красноярск: Этапы исторического пути. Красноярск, 2003; Иркутск - середина Земли: годы, свершения, судьбы. Хабаровск, 2005; *Толстов В.* Летопись Норильска. Норильск, 2007; др.

[49] Пространственное развитие урбанизации. Общие закономерности и региональные особенности. М., 1991; *Демиденко Э. С.* Урбанизация: Концепция и политика городского развития. М., 1992; Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995; *Лаппо Г. М.* География городов. М., 1997; *Пивоваров Ю. Л.* Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы. М., 1999; СССР – СНГ – Россия: география населения и социальная география, 1985–1996: аналитико-библиографический обзор. М., 2001; Социально-экономическое развитие городов России. М., 2002; *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003; Население России в XX веке: Исторические очерки: В трех томах.Т.1. Кн.1: 1960-1979. М., 2005; др.

[50] *Исупов В. А., Московский А. С.* Формирование городского населения Сибири (1926-1939 гг.). Новосибирск, 1984; *Алексеев В. В., Исупов В. А.* Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986; *Алексеев В. В.* Итоги и задачи изучения урбанизации советской Сибири // Урбанизация Советской Сибири. Новосибирск, 1987; *Исупов В. А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 1930-х - конец 1950-х гг.). Новосибирск, 1991; *Букин С. С., Исаев В. И.* Урбанизация Сибири в XX веке: закономерности и особенности // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории. Новосибирск, 2005.

[51] Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997.

[52] *Кузнецов И. С.* На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск, 2001; *Карпунина И. Б., Мелентьева А. П., Ильиных В. А.* Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003; *Славина Л. Н.* Сельское население Восточной Сибири (1960-1980-е гг.). Красноярск, 2007.

диссертаций[53]. Имеющиеся наработки задают высокую планку и требуют качественно нового уровня исследовательской культуры на стыке исторического, демографического, геоурбанистического, экономического, психологического, культурологического подходов.

Однако приходится констатировать, что общая концепция повседневности и междисциплинарная программа ее изучения до сих пор не разработаны, что приводит к разнобою и фрагментарности конкретных исследований и очерковому характеру научных работ. Зачастую модное название работы лишь камуфлирует вполне традиционные темы материального благосостояния и уровня жизни. Не решены проблемы создания и вписывания локальных жизненных мирков в общеисторический контекст. Тревожной представляется тенденция преимущественного изучения повседневной жизни через призму девиаций и аномалий в ущерб другим сторонам жизнедеятельности. Хронологически повседневность лучше исследована применительно к дореволюционному и «сталинскому» временам, 1960-е годы остаются малоизученными. По заявленной теме диссертации публикаций нет, лишь отдельные ее аспекты затрагивались в работах по истории рабочего класса и развитию сферы обслуживания населения, причем – в более широких хронологических рамках, за которыми специфика периода не просматривается.

Целью исследования является научное реконструирование повседневной жизни сибирских горожан в 1960-е годы, что предполагает решение ряда **задач**:

- проанализировать динамику основных количественных параметров городского населения (численность, состав, размещение, естественное и механическое движение) и изменение его качественных, сущностных, ментальных характеристик;

- разработать и апробировать адаптированную к цели исследования модель городского образа жизни (ГОЖ) и шкалу идентификации горожан, используя инновационные методы междисциплинарного уровня;

- определить роль семьи как типичного элемента структурирования и организации повседневной жизни основной массы горожан: ее размер, структуру, этапы жизненного цикла, функции;

- детально исследовать материальные условия жизни городского населения: доходы, расходы, потребление продовольственных и промышленных товаров, предметно-вещную среду, обеспеченность жильем и услугами;

---

[53] *Косякова Е. И.* Городская повседневность Новониколаевска-Новосибирска в конце 1919 - первой половине 1941 г.: дисс. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2006; *Доценко А. М.* Повседневная жизнь советского города начала 1950-х - первой половины 1980-х годов: на материалах г. Куйбышева и городов Куйбышевской области: дисс. … канд. ист. наук. Самара, 2007; *Кузнецова О. В.* Повседневная жизнь первоцелинников (1954-1965 гг.): на материалах Оренбургской области: дисс. … канд. ист. наук. Оренбург, 2008; *Борин А. Г.* Формирование городского образа жизни в индустриальном городе: дисс. … канд. ист. наук. Томск, 2010; *Мордвинцева А. В.* Послевоенная городская повседневность: Тюмень и тюменцы в 1945-1953 гг.: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Тюмень, 2010; др.

- системно рассмотреть производственную, общественную, бытовую, культурную сферы жизни, выявив субъективную значимость и наполненность каждой из них, воссоздать инвариантные поведенческие практики жителей сибирских городов;

- выявить региональную/внутрирегиональную специфику повседневности сибирских горожан и степень приближенности реальных показателей к рациональным нормам посредством динамического, сравнительно-исторического и сравнительно-нормативного анализа.

Объект исследования: сибирские горожане, понимаемые не только как жители городских населенных пунктов, но и как особая социально-территориальная общность, характеризующаяся городским образом жизни.

Предмет исследования: повседневная жизнь городского населения Сибири, определяемая автором как субъективно значимая реальность, запечатленная в типичных поведенческих практиках и ментальных структурах[54].

Территориальные рамки диссертации охватывают Сибирь - самый крупный регион страны, обладающий явно выраженной исторической и географической спецификой, стратегической важностью. В рамках административно-территориальных границ на конец периода в него входили *Западная Сибирь*, т.е. Алтайский край (с Горно-Алтайской автономной областью), Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Тюменская (с 1966 г., с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким национальными округами) области; *Восточная Сибирь*, представленная Красноярским краем (с Хакасской автономной областью, Эвенкийским и Таймырским (Долгано-Ненецким) национальными округами), Иркутской областью (с Усть-Ордынским Бурятским национальным округом), Читинской областью (с Агинским Бурятским национальным округом), Бурятской и Тувинской АССР. На территории Сибири проживало около 9% всего городского населения СССР и почти 15% горожан РСФСР, концентрировалось 11% общесоюзных промышленно-производственных фондов.

Хронологические рамки: 1960-е годы. Исходя из авторского определения повседневности, типичные поведенческие практики и ментальные структуры при отсутствии чрезвычайных обстоятельств не связаны напрямую с определенными годами и событиями. «Измерение» повседневности как субъективно значимой реальности имеет свою шкалу, фиксирующую, каким образом и насколько происходящее становится органичной частью жизненного мира людей. С позиций антропологического подхода, нацеленного на понимание человека в истории, значимо, что понятие «шестидесятые» стало нарицательным, запечатлевшись в массовом сознании как инаковая эпоха, и как самый позитивный период советской истории. Это было время активного формирования урбанистического общества,

[54] *Rafikova S.* Living history of everyday life // European Applied Sciences. 2012. №1. P. 56-57.

мощного рывка из доиндустриальной в индустриальную стадию, невиданных ранее темпов трансформации всего образа жизни.

Особыми стали эти годы и для регионального развития: на рубеже 1950-х – 1960-х гг. была разработана новая программа освоения Сибири, началась масштабная реализация перспективных планов ее народно-хозяйственного развития: больших индустриальных строек, интенсивной урбанизации. В диссертации динамика всех значимых показателей прослежена за 1961-1970 гг., но в интересах объективности при необходимости анализируются и события пограничных лет.

Источниковая база исследования сформирована с учетом многоаспектности предмета исследования, масштабности целей и задач диссертации, специфики изучаемого объекта, при соблюдении общих принципов источниковедческого анализа: информационной полноты, введения в научный оборот новых документов, критического анализа всех источников с позиций репрезентативности и комплексного подхода.

Документальную основу составили преимущественно впервые введенные в научный оборот материалы 18 архивохранилищ, в т.ч. четырех центральных, одиннадцати региональных, трех ведомственных. Важные сведения, массовые и уникальные одновременно, содержится также в архиве источников личного происхождения, созданного под руководством диссертанта в ходе реализации научного проекта «Живая история: народные мемуары», и, по сути, объединившего данные сотен домашних архивов.

Основной объем информации почерпнут из письменных источников, которые, в свою очередь, можно классифицировать по видам: нормативно-правовые акты; распорядительная и делопроизводственная документация; статистика; периодика; источники личного происхождения; прочие источники.

К нормативно-правовым актам относятся решения и постановления высших государственных органов, законодательные и нормативные документы. Основное внимание уделено уголовному, семейному, трудовому, пенсионному праву. Учитывая специфику советской политической системы, с определенными оговорками к этому же виду источников приходится отнести и политические директивы, которые во многом определяли положение дел в стране. К тому же большинство основополагающих документов принималось совместно высшими советскими и партийными органами. Применительно к данному виду источников наиболее плодотворным видится двуединый подход, с позиций их обоснованности и реальной действенности, с одной стороны, и ответной реакции обывателей – с другой.

Важнейшим источником явилась распорядительная и делопроизводственная документация. Она исходила от центральных и региональных (местных) партийных, советских, хозяйственных, общественных организаций. Эти документы – постановления, решения,

справки, докладные записки, материалы инспекторских проверок, текущая делопроизводственная документация, «вертикальная» переписка – находятся в фондах областных и краевых комитетов партии, исполкомов, комсомольских и профсоюзных органов. Несмотря на субординационную разноуровневость фондоообразователей, названные источники включают в себя сходный круг вопросов, отражая повседневную жизнь с множеством характерных для нее проблем, но степень достоверности содержащихся в них сведений существенно различается.

Статистика – один из самых массовых источников информации диссертационного исследования. Из опубликованных источников активно привлечены итоги Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг. Незначительная часть сводных показателей получена из статистических сборников. Основной объем сведений составили обработанные автором и впервые введенные в научный оборот архивные данные. Ценным источником, позволившим охарактеризовать численность городских трудящихся в профессионально-отраслевом разрезе и их средние заработки, являются сводки ЦСУ по численности и фонду заработной платы рабочих и служащих, распределению работников в соответствии с размером зарплаты и продолжительностью отпусков. Денежный оборот и сбережения населения достаточно полно раскрываются через балансы доходов и расходов; потребление основных продуктов питания – через расчеты фондов потребления; жилищная обеспеченность – через расчеты движения городского жилищного фонда; данные по рождениям, смертям, бракам и разводам – через отчеты ЗАГСов.

Широко использованы и данные обследований потребительских бюджетов сибирских горожан, проводившихся ЦСУ СССР и его региональными отделениями. В Сибири бюджетная сеть была создана в Алтайском и Красноярском крае, Новосибирской, Кемеровской, Иркутской, Тюменской (с 1969 г.) областях. Эти источники в условиях практически абсолютного отсутствия семейной статистики являются по-своему уникальными. Они характеризуют материальное положение респондентов (структуру и уровень доходов и расходов, продовольственное и промтоварное потребление, спрос на товары и услуги и источники его покрытия), а также дают представление о размере и структуре семьи, составе иждивенцев, развитие бытового и культурного обслуживания. Помимо регулярного ведения записей по схеме изучения бюджетов семьи, проводились комплексные и единовременные социальные обследования, давшие богатый материал по широкому кругу вопросов. К разделу социальной статистики можно отнести и активно проводившиеся в Сибири в 1960-е годы обследования бюджетов времени, позволяющие фиксировать виды и структуру деятельности людей в различных сферах жизни, ее продолжительность, периодичность, локализацию в пространстве.

Важным источником информации является периодическая печать, представляющая интерес как летописец событий и оперативный информатор, своеобразный рупор общественного мнения и как существенная составляющая круга чтения горожан. Этим обусловлен широкий обзор самых разных газет и журналов: общественно-политических, литературных, модных, сатирических, детских.

В целом, несмотря на громадный массив охарактеризованной выше информации, приходится констатировать, что традиционные источники не позволяют реконструировать подлинное прошлое в ракурсе истории повседневности. Многие значимые для исследования аспекты либо не нашли в них своего отражения, либо представлены недостаточно полно и достоверно, что актуализирует проблему введения в научный оборот новых источников.

Большой и слабо реализованный потенциал имеют документы личного происхождения. В диссертации использованы собранные в ходе реализации авторского проекта более полутысячи воспоминаний обычных сибиряков, позволивших существенно расширить и откорректировать представления о поведенческих стратегиях и тактиках, человеческих судьбах, повседневной деятельности. К источникам личного происхождения можно частично отнести и фотодокументы, в данном случае – более полутора тысяч фотоснимков из семейных фотоальбомов. Кроме мемуаров в исследовании использованы интервью, являющиеся свидетельствами о недавнем прошлом.

Поиск прочих источников различных типов открывает для историков повседневности поистине безграничные возможности. Из письменных источников, редко привлекаемых к научному бытописанию, особую роль играет беллетристика, в 1960-е годы активно обратившаяся к теме мирной повседневности и сфере обыденного. К художественной литературе близок жанр публицистики, которая представляет интерес и в виде корреспондентских и литературных размышлений, писавшихся на актуальные, злободневные, дискуссионные темы в 1960-е годы, и как более поздние попытки осмысления минувшего. Сатирическая литература тоже является источником, хотя и достаточно специфичным, т.к. в ней по определению присутствует элемент гротеска. Но поскольку сатира ищет смешное и проблемное в типичном, она позволяет получить неформальные представления по многим аспектам повседневности.

Специфическим и оригинальным источником являются анекдоты, относящиеся к устному жанру городского фольклора. Эти краткие и ёмкие произведения позволяют исследовать ментальные структуры, нормы и ценности, интерпретировать отношение обывателей к правителям и проводимой ими политике, происходившим в стране событиям, брачно-семейным отношениям. Частушки считаются «деревенской» разновидностью фольклора, но они были популярны и среди горожан. К этому жанру близко наивное стихотворство обывателей. Весьма

специфическим источником устного происхождения являются также прозвища, хлёстко даваемые народом, оригинальные и остроумные расшифровки известных аббревиатур и т.п. Данные источники также по возможности использованы.

Помимо письменных и устных, использованы визуальные источники, к коим следует отнести фотодокументы, часть материалов периодических (журнальных) и домоводческих изданий, представлявших зримый образ модного гардероба и интерьера, разного рода открытки, плакаты и карикатуры на «несоветские» типажи и явления. Визуализировать историю позволяют художественные и документальные фильмы.

Понятие «вещественные источники» применительно к исследованию недавнего прошлого почти не используется, но вещи являются важным проводником в повседневность иной эпохи. Сегодня уже созданы при краеведческих музеях коллекции экспонатов периода 1960-х годов, во многих семьях имеются собственные «музейчики» вещей тех лет. В качестве своеобразных музеев под открытым небом можно рассматривать и архитектурно-градостроительные комплексы.

В целом, посредством фронтального использования традиционных документов и привлечения «неформальной» информации, с применением новых методов ее обработки, создана источниковая база, необходимая и достаточная для выполнения исследования в соответствии с поставленной целью и сформулированными задачами.

Методология исследования позволяет обосновать общетеоретические подходы к изучению повседневности и сформировать инструментально-методический комплекс**.**

С позиций различных познавательных парадигм история повседневной жизни видится по-разному. Традиционалистский подход, основанный на идеализации и абсолютизации традиции или некой идеальной социокультурной модели, обращается к повседневности через описание ее религиозно-духовных основ, быта, нравов, семейных устоев патриархального общества. Описательности традиционализма рационалистическое мышление эпохи индустриального общества противопоставило науку как единственный источник истинного знания, и точные исследовательские процедуры как инструмент познания общества. Но модернистские концепты, заложив непреходящие научные принципы (объективность, системность, историзм), отводят повседневности, в лучшем случае, роль некого довеска к жестко детерминированной объективными факторами истории. Постмодернизм, напротив, реабилитирует человеческую субъективность и, децентрируя действительность, окончательно делает повседневность полноправным предметом исследования в антропологическом ключе.

В данном случае наибольший интерес в теоретическом плане представляют различные варианты антропологически ориентированной истории: история ментальности, новая культурная история, микроистория, история повседневности, устная история, локальная

история, история частной жизни, гендерная история, новая биографическая история и др. Однако, признавая антропологизацию доминирующим вектором мировой историографии, следует отметить, что акцент на изучении поведения отдельных людей, небольших групп, локальных территорий неизбежно актуализирует проблему репрезентативности и научной обоснованности выводов. Поэтому антропологический подход, реализованный исследователями различных исторических школ, с очевидностью является лишь широким спектром методов в арсенале современного историка, которые целесообразно использовать комплексно.

Столь же очевидна и необходимость выработки мультитеоретической платформы исследования в целях наиболее полного познания изучаемого предмета. В качестве базовых методологических конструктов в авторской программе исследования использованы теории модернизации, адаптации, идентификации.

Теория модернизации позволяет объяснить общий характер исторических процессов исследуемого периода. Она широко применена при анализе формирования городского населения, эволюции городской семьи, перестройки материально-вещной среды, повседневного поведения горожан. Модернизационная парадигма в ее полидисциплинарных версиях достаточно подробно проанализирована[55], глобальность модернизационного перехода несомненна. Но происходит он не шаблонно, под воздействием разнородных факторов и механизмов, с разной скоростью и темпорально-пространственной вариативностью. История повседневности лишь подтверждает данный вывод.

Поэтому наряду с теорией модернизации использована *теория адаптации*, изучающая взаимодействие человека с окружающей (природной и социальной) средой как целостный и многофакторный процесс[56], что позволяет анализировать деятельность социального субъекта, многообразные способы его приспособления и выживания. Именно в пространстве повседневности вырабатываются типичные практики, стратегии адаптации субъекта на физическом, материальном, психологическом, эмоциональном, ментальном уровне.

Ценные методологические подходы заложены также в *теории идентификации*. В современном понимании идентификация это либо опознание через сопоставление на

---

[55] *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. М., 2000; *Сенявский А. С.* Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003; *Алексеев В. В.* Общественный потенциал истории. Екатеринбург, 2004; *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; *Он же*. Пространственно-временная модель в исторических реконструкциях модернизации: дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2011; др.

[56] Основы теории социальной адаптации были заложены на рубеже XIX-XX вв. работами Г. Спенсера, М. Вебера, Г. Тарда, У. Томаса и других. С 1960-х годов исследования по социологии адаптаций появились и в нашей стране, см.: К. М. Хайлов, В. Н. Шубкин, С. Д. Артемов, В. А. Ядов, Т. Н. Вершинина и др. Особо выделим фундаментальную монографию: *Корель Л. В.* Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск, 2005.

основании некоего признака или свойства; либо процесс и результат самоотождествления (самоидентификации) с другим человеком, группой, образом[57]. При изучении повседневности важен практически весь спектр идентичностей, но особую роль играет идентификация по территориально-поселенческому признаку, позволившая разработать шкалу идентификаторов городского образа жизни. Помимо названных теорий, составивших методологическую основу исследования, апробированы и более частные наработки (теории социальной стратификации, потребления и др.), описанные в соответствующих разделах диссертации.

Инструментарий диссертации представлен широким спектром общенаучных и специальных *методов*. Первооснову научного исследования по определению закладывают универсальные методы анализа и синтеза, аналогии и сравнения, логического моделирования и обобщения, экстраполяции и выдвижения гипотез. Для обработки больших массивов нарративов, моделирования повседневной жизнедеятельности активно задействованы методы идеализации, формализации, типизации.

В настоящее время на роль общенаучных выдвигаются также методы, появившиеся в рамках конкретных наук, но существенно расширившие сферу своего влияния и применения. Для научного реконструирования повседневности, обработки массивов цифровой и нарративной информации, проведения статистических и статистико-демографических расчетов в диссертации применены методы статистические, математические, информационного моделирования. Следует выделить и герменевтический метод, роль которого значительно возрастает при обращении к источникам личного происхождения, требующих проникновения во внутренние смыслы не только сказанного, но и недоговоренного.

Из специальных исторических приемов использован проблемно-хронологический метод, позволивший задать структуру работы, ее временные и смысловые рамки, логику исследования конкретного материала. Историко-генетический метод применен при выявлении первопричин социальных и демографических процессов, истоков создания урбанистической среды в регионе, а историко-диалектический – для анализа объекта системно и в динамике. Ретроспективный метод позволил более взвешенно оценить результаты с исторической дистанции, через призму объективной значимости и неиспользованных возможностей. Историко-компаративный метод способствует выявлению общего и особенного, что позволяет делать сравнения как в хронологическом, так и в территориальном ракурсе. Сравнительно-нормативный метод незаменим для оценки достигнутых показателей с точки зрения их соответствия научно-

[57] *Tajfel H.* Social identity and intergroup relations. Cambridge - Paris, 1982; *Moscovici S.* The Phenomenon of Social Representations // Social Representations. Cambridge - Paris, 1984; *Hogg M.F., Abrams D.* Social identifications: A social psychology of intergroup relations and group processes. London, 1988; *Jenkins R.* Social identity. London; New York, 1996; *Woodward G.C.* The idea of identification. Albany, 2003; *Эриксон Э.* Детство и общество СПб., 2000; др.

обоснованным нормам, выявления имеющихся отклонений от рациональных и оптимальных показателей по целому спектру параметров: потреблению продуктов питания, обеспеченности жильем и товарами длительного пользования, рациональности ведения домашнего хозяйства и проведения свободного времени. Широко использован - от классификации массовых источников до типологизации населения по шкале ГОЖ - историко-типологический метод, позволяющий отделять сущностные характеристики от вторичных.

Помимо специальных методов использованы и специфически-исторические приемы, отработанные в рамках различных антропологически ориентированных школ: микроисторический, биографический, локальный, устно-исторический.

В целом при всей несомненной ценности накопленного методологического багажа в исследовании повседневности очевидна ограниченность как традиционных описательно-этнографических и формально-статистических подходов, так и новых антропологически ориентированных школ, ни одна из которых не создала самодостаточной программы исследования. Границы этих школ весьма условны, а основные различия между ними кроются в определении объекта, масштаба, методики, круга источников. Основные проблемы видятся в том, чтобы, во-первых, следуя путем новаций, сохранить достижения классической науки; во-вторых, – комплексно использовать инновационные методы. В диссертации предпринята попытка синтеза достижений оппозиционных парадигм и различных школ, в рамках авторской концепции «Живой истории»[58].

Основные положения, выносимые на защиту:

- Повседневность как субъективно значимая реальность, запечатленная в типичных поведенческих практиках и ментальных структурах, может быть проанализирована лишь комплексно, по антропологически ориентированной программе исследования, в системе «обитатели – условия – деятельность»;

- 1960-е годы стали временем кардинальных перемен во всех звеньях этой системы: количественного и качественного формирования городского населения Сибири, структурной и функциональной трансформации городской семьи, кардинальных изменений в условиях и алгоритме протекания повседневной деятельности;

- На повседневную жизнь сибирских горожан влияли как общие для страны реалии, так и специфические региональные особенности. Статистический анализ демонстрирует, несмотря на более высокие динамические характеристики, отставание сибиряков по комплексу жизненных условий, хотя зачастую более существенны были внутрирегиональные различия;

[58] Подробнее см.: *Рафикова С. А.* «Живая история» (или, какой же слон на самом деле?) // European Social Science Journal. 2011. №12. С. 301-309.

- Территориальное ранжирование административно-территориальных субъектов Сибири по комплексу наиболее благоприятных условий повседневной жизни, сложившихся для горожан, позволяет в числе лидеров назвать Красноярский край, Кемеровскую, Омскую, Томскую, Новосибирскую области.

- Адаптивный потенциал сибирских горожан был достаточно высок: посредством выработки повседневных практик они не только пассивно приспосабливались к условиям, но и активно трансформировали их в своих интересах, что существенно корректирует традиционные представления об уровне и образе жизни, полученные на основе официальных данных;

- Прямой зависимости между факторами успешности адаптации и миграции в города вчерашних селян не зафиксировано; динамизм происходивших в 1960-е годы перемен облегчал интеграцию в урбанизированную среду горожан в первом поколении, которые вместе и наравне с коренными жителями городов приспосабливались к трансформациям повседневной жизни;

- Все сферы городской жизнедеятельности сибиряков характеризовались в 1960-е годы высокой субъективной значимостью и системной связью, специфическим сочетанием активного формирования черт ГОЖ (индивидуализированного по определению) и сохранения явно выраженного коллективизма (родственного, соседского, корпоративного);

- Процессы формирования городских стандартов жизни и их реальное воплощение в повседневности набирали в 1960-е годы революционные обороты, но для основной массы городских жителей остались не завершенными; по шкале идентификаторов ГОЖ абсолютно преобладавшим и типичным был слой «формирующихся горожан».

Научная новизна. На основе широкого круга источников, в основном впервые введенных в научный оборот, проведено исследование повседневной жизни сибирских горожан в динамическом, сравнительно-историческом и сравнительно-нормативном ракурсах. Диссертация выполнена в рамках авторской концепции «Живой истории». Дано авторское определение повседневности, на основе широкого спектра методов научного анализа и междисциплинарного синтеза выработана и отработана мультитеоретическая антропологически ориентированная программа ее комплексного исследования. Самостоятельную научную ценность представляют сводные статистические данные и динамические ряды. Создан и широко использован уникальный фонд источников личного происхождения, состоящий из более чем полутысячи народных мемуаров сибиряков, полутора тысяч фотографий, десятков интервью и дневниковых записей. Апробированы инновационные методы обработки этих источников. Разработана система идентификаторов ГОЖ, построены его статистическая и информационная модели. Впервые изучены демографические характеристики городских жителей Сибири 1960-х годов, подробно проанализирован комплекс жизненных условий

горожан, выявлены типичные инварианты их повседневной жизнедеятельности. Намечена программа дальнейшего исследования.

Научно-практическая значимость исследования. Диссертация может стать основой:

- совершенствования методологической платформы и координации конкретных исследований повседневной жизни;

- написания обобщающих работ по истории повседневности и истории Сибири;

- подготовки основных и элективных курсов по теории, истории, культуре повседневности, разработки новых методик преподавания истории в школах и вузах;

- интеграции научной и педагогической деятельности посредством привлечения студентов и учащихся к реализации исследовательских проектов;

- актуализации исторического опыта для практической деятельности современных властных и общественных структур;

- разработки программ адаптации и социально-психологической поддержки людей старших поколений;

- выработки научно-обоснованных программ регионального развития;

- составления программ социологических исследований, ориентированных как на современность, так и на ретроспективу;

- популяризации сохранения исторической памяти россиян/сибиряков, создания архивов и музеев «Живой истории».

Апробация результатов исследования. Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования изложены более чем в 50 публикациях автора, в том числе в монографии, изданной при поддержке ККФН (грант № 13F52), 11 статьях в журналах, входящих в перечень ВАК, трех международных изданиях. Они также докладывались на международных, всесоюзных, всероссийских и региональных научных конференциях, проводившихся Международным исследовательским институтом (Москва), Германским историческим институтом (Москва), Институтом истории СО РАН (Новосибирск), Некоммерческим партнерством «АДИТ» (Петрозаводск), Новосибирским, Красноярским (Сибирским федеральным), Омским, Поморским (Архангельск) государственными университетами, Новосибирским и Красноярским педагогическими университетами и другими вузами. Содержащийся в работе фактический материал, теоретические положения и выводы использовались при реализации научных проектов сектором истории социально-экономического развития Института истории СО РАН, при подготовке сборника документов «Красноярский край в истории Отечества». Апробация материала осуществлялась также в процессе учебной и методической работы, в т.ч. в авторских элективных курсах по истории Сибири и по истории и социологии семьи. Получен Акт о внедрении результатов

диссертационного исследования в научную и проектную деятельность Научно-внедренческого центра Международного исследовательского института (Москва).

Диссертация обсуждалась в секторе истории социально-экономического развития и Ученом совете Института истории СО РАН (Новосибирск), на кафедре отечественной истории и культурологии СибГТУ (Красноярск).

Структура диссертации выстроена в соответствии с антропологически ориентированной программой, целью и задачами исследования. Она состоит из введения, трех глав (десяти параграфов), заключения, списка литературы, 40 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение содержит обоснование актуальности темы и определение степени ее изученности. Здесь же обозначены цель и задачи, объект и предмет исследования, его территориальные и хронологические рамки, проанализирована источниковая база, а также сформулированы выносимые на защиту положения, подчеркнута научная новизна и практическая значимость диссертации, показана ее апробация.

В **основной части** диссертации комплексно исследуется повседневность сибирских горожан, в единстве трех составляющих: обитатели (горожане); среда обитания (условия жизни); жизнедеятельность (повседневные практики).

Первая глава «*Городское население Сибири*», состоящая из трех параграфов, посвящена изучению сибирских горожан как объекта исследования и субъекта повседневности.

Первый параграф «*Численность, состав, размещение*» позволяет получить представление об основных статистико-демографических параметрах и характеристиках населения городов и поселков городского типа (ПГТ).

Количественно-динамический анализ свидетельствует, что 1960-е годы стали важным этапом в формировании городского населения Сибири. На территории региона появилось 18 новых городов из 121 (не считая трех засекреченных) официально значившихся на карте и 82 из 310 ПГТ, что существенно укрепило исторически слабо развитую сеть городских поселений, хотя и не изменило ее очагового характера. Численность городского населения возросла почти на четверть, превысив 12 млн. человек, а его удельный вес увеличился с 54,0 до 62,6%.

Географический рисунок городской поселенной структуры был чрезвычайно неравномерен. Почти три четверти горожан региона проживало в пяти его субъектах из одиннадцати, а именно: в Кемеровской, Иркутской и Новосибирской областях, в Красноярском и Алтайском краях, они и определяли урбанистический облик региона. Более пятой части горожан Сибири (21,8%) проживало в трех крупнейших ее городах (Новосибирск, Омск,

Красноярск), 36,9% - в 18 крупных городах, 7,4% - в 12 средних, оставшаяся его треть распределялась между 84 малыми городами и 310 ПГТ. Формирование городского населения рассмотрено как динамичный процесс, протекавший под влиянием естественного и механического факторов.

Рождаемость практически в течение всего периода значительно сокращалась. Субъективная переориентация репродуктивного поведения горожан на малодетность совпала по времени с отдаленным демографическим эхом войны. В Сибири эта тенденция проявилась более рельефно, чем в целом по стране. Ситуация усугублялась и ростом показателей смертности населения. В результате общие параметры естественного прироста сократились по городскому населению Сибири на 38,5%. В условиях «демографического провала» и форсированного регионального освоения существенно возрастала роль традиционно значимого для Сибири механического фактора.

Для решения этой проблемы был задействован широкий спектр административных, экономических, идеологических мер: распределение выпускников вузов и техникумов, перевод по работе, оргнабор, общественные призывы на крупнейшие стройки, заинтересованность рублем, высылка преступных и нежелательных элементов из других районов страны, привлечение условно-досрочно освобожденных заключенных. Но подавляющее большинство людей переселилось по собственному желанию. Миграция не была единым потоком, в ней четко прослеживается сибирская специфика, выделяются различные типы переселенцев. Магистральным направлением перемещений являлось вселение в города, давшее примерно 65% всего потока. Опережающий прирост городского населения при отрицательном сальдо внешней миграции достигался в основном за счет сибирских селян.

Половозрастной состав населения характеризовался вымыванием детских возрастов и общим «постарением» горожан, среди которых по-прежнему преобладали женщины. По социальному составу городское население состояло в основном из рабочих и служащих, по национальному признаку доминировали русские (около 90%).

Во **втором параграфе** «*Городской образ жизни и проблема идентификации*» ставится вопрос о соотношении количественных и качественных характеристик городского населения Сибири как особой социально-территориальной общности.

Наиболее перспективным в этой связи представляется анализ степени включенности городского населения в городской образ жизни, понимаемый как система типичных видов повседневной жизнедеятельности, сформированных специфической социально-пространственной городской средой. В качестве основных атрибутивных и сущностных характеристик ГОЖ выделены: одновременная концентрированность и гетерогенность деятельности; высокая территориальная, социальная, профессиональная, образовательная

мобильность; большая степень свободы в выборе образцов; более комфортные по сравнению с сельскими условия проживания; принципиально отличный бюджет времени; наличие мощного информационного поля и активизация общественно-политической жизни; изменение субъективного коммуникативного пространства; повышенная значимость самоконтроля; быстрая трансформация традиционной семьи в простую малую нуклеарную группу; самоидентификация горожан и др. С учетом большинства из обозначенных факторов разработана шкала идентификаторов, апробированная на основе народных мемуаров жителей г. Красноярска.

В результате формализации вербальных источников по значимым маркерам составлена статистическая и информационная модель образа жизни, давшая интересные результаты. Наиболее проявленными признаками ГОЖ явились показатели мобильности: массовые жилищные переезды в основном в благоустроенные квартиры, быстрое изменение социального статуса, повышение квалификации и продвижение по службе, перемена места работы с улучшением условий труда и его оплаты, а также насыщенная досуговая деятельность. К средне проявленным характеристикам можно отнести процесс перестройки семьи, уменьшение роли личного подсобного хозяйства, формирование нового интерьера, гардероба, что свидетельствует об активизации, но незавершенности данных процессов в рамках рассматриваемого периода. А наименее проявленными чертами ГОЖ оказалось пользование горожанами сферой услуг на фоне практически полного самообслуживания, а также признаки индивидуализации их поведения и общения, при сохранении явно выраженного коллективизма. Данный расклад вполне согласуется с субъективными представлениями респондентов о городе и преимуществах жизни в нем. Основная мотивация переездов в город была связана именно с получением образования, профессии, более высокого социального статуса, благоустроенного «казенного», жилья, высвобождением времени от хозяйственных дел для отдыха и досуга.

Информационная модель подтвердила высокое качество исходной теоретической разработки и важность всех входных параметров, что позволило не только описать их, но и «измерить», установив коэффициенты значимости и тесноты связи всех факторов. В результате успешной кластеризации респондентов обоснована правомерность выделения трех подгрупп горожан, условно обозначенных автором как «истинные горожане», «формирующиеся горожане» и «горожане – не горожане». В частности, применительно к красноярцам шкала показала, что достаточно сформированный на конец периода ГОЖ был характерен лишь для 27% жителей краевого центра. На противоположном полюсе оказалось около 9% тех, кто практически не вписывался в урбанизационную среду и культуру, подавляющую же массу (почти 65%) составили горожане, находящиеся на стадии формирования. Эти данные представляются репрезентативно-опережающими, поскольку характеризуют степень

включенности в ГОЖ населения крупного регионального центра. Правомерно предположить, что более значительный отсев из числа горожан был характерен для жителей малых городов, городских окраин, удаленных от крупных административно-культурных центров провинциальных селений, молодых городов с сельской историей, ПГТ. Для доказательной аргументации данной гипотезы в следующих разделах диссертации анализируется городская семья, условия жизни и деятельность горожан.

Третий параграф «*Городская семья*» посвящен многофакторному анализу основной структурообразующей ячейки городского населения, которая активно участвует не только в воспроизводстве индивидов, но и в формировании, сохранении, трансформации определенного образа жизни, повседневного поведения. В качестве рабочего принято используемое в статистике и в программах проведения переписей населения определение семьи как совокупности лиц, проживающих совместно, связанных родством или свойством и общим бюджетом.

Повседневная жизнедеятельность горожан была типично семейной: 93% из них являлось членами семей, в т.ч. более 87% непосредственно проживало с семьей. Основой подавляющего числа семей оставалось супружество. Общий процент состоящих в браке горожан старше 16 лет и коэффициент реализации потенциального заключения браков увеличился, но из-за демографических диспропорций, вызванных вступлением в брачный возраст малочисленного военного поколения, число брачующихся сократилось. Несмотря на существенный прирост городского населения, в 1970 г. в городах заключалось лишь 97% браков к уровню 1960 г., при этом общее число разводов увеличилось в 2,8 раза.

За десятилетие семья уменьшилась в среднем с 3,7 до 3,5 человек и состояла преимущественно из брачной пары с одним-двумя детьми. Произошло заметное сокращение коэффициента семейной нагрузки, исчисляемого по соотношению числа работающих членов семьи и иждивенцев. Анализ с позиции стадий жизненного цикла свидетельствует о преобладании семей детоцентристского типа, т.к. рождение и воспитание детей и по значимости, и по стадиальной длительности являлось важнейшим этапом в жизни семьи.

Жизнедеятельность семьи рассмотрена как процесс реализации ее важнейших функций, которые можно представить в виде агрегированных блоков: хозяйственно-экономический, репродуктивный, эмоционально-психологический. В результате модернизации семьи существенно усиливалась роль духовно-эмоциональных факторов, при сохранении экономических основ семьи и заметной трансформации репродуктивного поведения. В целом в 1960-е годы в Сибири, как и в стране в целом, происходил ускоренный переход к современному типу семьи: преимущественно городской, нуклеарной, автономной, супружеской, малодетной, с работающей матерью и существенно скорректированными функциями.

Вторая глава «*Материальные условия жизни сибирских горожан*» состоит из трех параграфов, воссоздающих условия протекания повседневной деятельности.

В **первом параграфе** «*Доходы и расходы*» анализируются финансовые параметры материальной обеспеченности сибирских горожан.

Основная часть их доходов приходилась на заработную плату, которая устойчиво повышалась по всем отраслям народного хозяйства, как естественным путем, так и в результате проведения специальных мероприятий. Минимальный уровень оплаты труда поднялся в городах с 30-35 до 60 руб. в месяц. Заработки сибиряков росли быстрее, чем по стране, а их средний показатель более чем вдвое превышал минимально установленный уровень. Лидерские позиции в начале и конце периода уверенно занимал Красноярский край (108 и 165 руб. соответственно), аутсайдером в 1960 г. являлась Тюменская область (79 руб.), а в 1970 г. – Алтайский край (122 руб.). Выше всех из работников основных отраслей оплачивался труд строителей, вторую-третью позиции занимали труженики промышленности и транспорта. Самая низкая планка заработной платы фиксировалась в отраслях, обслуживающих население. В течение периода происходила заметная нивелировка в оплате труда рабочих и ИТР, высоко- и малоквалифицированных работников.

Значительную роль в формировании доходов и удовлетворении потребностей трудящихся и нетрудоспособных граждан играли общественные фонды потребления (ОФП), прираставшие опережающими темпами по сравнению с фондом заработной платы. Более половины их средств реализовывалось в виде бесплатных услуг. Из денежных выплат наибольшее значение имели пенсии и оплата трудовых отпусков, а также различные пособия и дотации. Хотя Сибирь являлась районом перспективного роста ОФП, в расчете на душу населения сибиряки получали из этих фондов меньше, чем по стране в целом, и разрыв продолжал увеличиваться.

Прочие доходы (выручка от продажи продукции ЛПХ, алименты, подарки, выигрыши, вознаграждения за работу у частных лиц и др.), согласно официальной статистике, составляли около 3% совокупных денежных средств горожан. Но есть веские основания полагать, что этот процент явно занижен, и во многих семейных бюджетах дополнительные доходы являлись внушительной прибавкой к официальным зарплатам, а то и превосходили их.

В целом за десятилетие доходы сибиряков в среднедушевом исчислении удвоились, а номинальная заработная плата увеличились в полтора раза. Однако реальное содержание этих перемен оказалось менее масштабным, как из-за общего неблагоприятного соотношения индексов цен и дисбаланса между доходами и расходами, так и в результате более высоких региональных нормативов потребления товаров и услуг. Существовавшая система территориального регулирования заработной платы посредством районных коэффициентов,

варьирующихся по отраслям и районам Сибири от 1,15 до 2,0, не выравнивала даже простой разницы в «стоимости жизни», и поясные цены ощутимо облегчали кошельки сибиряков.

Расходы росли в течение всего периода, хотя и не столь быстро, как доходы. На конец рассматриваемого периода почти ¾ всех средств сибиряки тратили на покупку товаров, в основном - на продовольствие и алкогольные напитки. На оплату услуг уходило около 8% денежных сумм, столько же шло на налоги и сборы, объем которых за десятилетие вырос более чем вдвое, особенно за счет подоходного налога, значительные суммы также изымались из заработков бездетных совершеннолетних горожан (т.н. «налог на холостяков»). Около 3% составил прирост вкладов в сберкассы, по 2% денежных средств вносилось в виде взносов и приходилось на переводы и аккредитивы. В целом доходно-расходная динамика свидетельствует о довольно скромных потребительских запросах, наиболее эластичными продолжали оставаться расходы на питание.

Во **втором параграфе** «*Потребление продовольственных и промышленных товаров*» анализируется сфера личного потребления горожан через призму одновременного действия государственного распределительного механизма и вырабатываемых обывателями практик. Главным каналом распределения товарных ресурсов была государственная и кооперативная торговля, товарооборот которой почти удвоился, основная его часть приходилась на продукты.

Общая ситуация на продуктовом рынке была достаточно сложной, а в начале периода – даже кризисной. Страну захлестнул дефицит продовольствия, резко поднялись цены на животноводческую продукцию, зерно пришлось закупать за границей. Во второй половине десятилетия положение удалось значительно нормализовать. Согласно официальным данным, среднедушевое потребление рабочими и служащими овощей, мяса, молока увеличилось почти на четверть. В конце периода на каждого из них в год приходилось в натуральном и переработанном виде около 130 кг хлеба, 160 кг картофеля, 65 кг овощей, 48 кг мяса, 315 л молока, 160 яиц. Помимо государственных распределительных механизмов обыватели активно задействовали и такие каналы снабжения как личные подсобные хозяйства, рынок, заготовка даров сибирской природы, позволявшие существенно пополнять рацион. Росли не только объемы потребляемых продуктов, но и формировался новый тип питания: хлебо-картофельная структура активно трансформировалась в мясо-молочно-овощную. В Сибири данные процессы протекали более заметно, но уровень потребления оставался ниже среднего по стране.

Горожане стали заметно лучше не только питаться, но и одеваться. Само понятие «гардероб» применительно к основной массе городского населения впервые обрело реальный смысл именно в 1960-е годы, когда удалось, в основном решив проблему на утилитарном уровне, заметно расширить и качественно обновить одежду и обувь в духе модных тенденций (трикотаж, болоньевые плащи, нейлоновые рубашки, водолазки, женские брюки, мини-юбки,

«туфли-лодочки», «шпильки»). Хотя следование ультрамодным тенденциям не было характерно для сибирских горожан, в обыденном сознании понятия «хорошая» и «модная» применительно к одежде не стали синонимами. Больше ценилась добротность, долговечность, практичность. В условиях дефицита ликвидной одежды и обуви в открытой продаже им приходилось изыскивать дополнительные каналы и способы формирования гардероба: «блат», обращение к перекупщикам, пересылка вещей из других регионов, «самопошив».

Трудно переоценить значение рывка, совершенного всего за десятилетие в оснащенности городского быта мебелью, товарами бытового и культурно-бытового назначения. Не случайно произошедшие изменения названы «бытовой революцией». Мебели стало не просто больше, но появились ее модернизированные образцы, сложились новые представления о современном интерьере и бытовом дизайне. К концу 1960-х уже не единицы, а ¾ городских семей являлись обладателями телевизоров, стиральных и швейных машин, почти половина имела холодильники. Перестали быть диковинками пылесосы и магнитофоны. Эти выходящие за рамки эволюции перемены были связаны с ростом доходов, расширением ассортимента мебели и бытовой техники, а также с кардинальным изменением жилищных условий.

Третий параграф «*Жилищное положение*» освещает степень удовлетворения одной из самых насущных потребностей человека, актуализированной суровым сибирским климатом. Необходимость коренных перемен в решении жилищной проблемы в масштабах всей страны была признана на правительственном уровне в конце 1950-х годов, когда был взят курс на индустриальное возведение благоустроенного жилья поквартирного заселения (знаменитых «хрущевок») с опорой на государственное финансирование.

Городское население региона в начале рассматриваемого периода было хуже обеспечено жильем, чем горожане страны в целом. За десятилетие наличная жилплощадь в сибирских городах увеличилась в полтора раза, в том числе в обобществленном секторе - более чем вдвое, а удельный вес государственного и ведомственного жилья поднялся с половины до ¾ общей площади. Обеспеченность жильем каждого горожанина в среднем по региону выросла на 2,3 м^2 общей и 1,3 м^2 жилой площади. Эти показатели предстанут более значимыми, если учесть факторы увеличения почти на четверть численности городского населения Сибири; потерь жилфонда от стихийных бедствий и массового сноса аварийных построек; качественного улучшения статистически безликих «квадратных метров».

В результате резко выросшего уровня благоустройства городских жилищ почти 70% из них (по метражу) оказалось оборудовано водопроводом и канализацией, и почти половина - горячим водоснабжением и ванной/душем. Для городского населения создается, по сути, новая, гораздо более комфортная жилая среда. Но и на конец периода лишь четверть городских семей была обеспечена жильем по существующей (простой санитарной) норме. Оставались

актуальными проблемы временного жилья, неадаптированности типовых хрущевок к условиям Сибири, низкого качества возводимого жилья, обезличивания архитектурной среды городов.

В целом условия повседневной жизни горожан характеризовались позитивными, динамичными, кардинальными изменениями, чему в немалой степени способствовало, с одной стороны, усиление социальной ориентированности политики и экономики, с другой стороны, - существенная их корректировка горожанами посредством выработки повседневных адаптивных стратегий и тактик. Наиболее благоприятная материально-бытовая среда сформировалась для горожан Красноярского края, Кемеровской, Омской, Томской, Новосибирской областей.

В **третьей главе** «*Повседневная деятельность городского населения*» создана своеобразная матрица повседневной деятельности горожан, исходя из концепции образа жизни, путем воссоздания основных его сфер и типичных жизненных практик.

В **первом параграфе** «*Труд в сфере общественного производства*» анализируется наиболее регламентированная область жизнедеятельности горожан. По закону, нормальная продолжительность рабочего времени рабочих и служащих не должна была превышать 41 часа в неделю. В 1960-е годы недельный фонд рабочего времени остался неизменным, но дважды изменялся режим работы. В начале периода был осуществлен переход на 7-часовой рабочий день при шестидневной рабочей неделе, при этом в субботу трудились на час меньше обычного, а воскресенье являлось выходным днем. В 1967 г. начался массовый перевод трудящихся на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями и удлинением рабочего дня до 8 часов. Это сыграло значительную роль в структурной перестройке всего БВ: существенно сократилось время, связанное с работой, но самое главное – почти вдвое увеличилось число нерабочих дней.

В общественном производстве было задействовано подавляющее большинство взрослого городского населения региона. Сказывались, с одной стороны, «достижения» общего государственного курса на поголовное привлечение трудоспособных граждан к труду, подкрепленные масштабно развернувшейся борьбой с тунеядцами. С другой стороны, существовала экономическая необходимость выживать, содержать семью в условиях максимально огосударствленной сферы приложения труда при сравнительно невысоких зарплатах и пенсиях, минимально оплачиваемых декретных пособиях, сокращении доходов от ЛПХ. За десятилетие среднегодовая численность рабочих и служащих Сибири увеличилась почти в полтора раза. В конце периода наибольший удельный вес занятых в городском общественном производстве (около 40%) приходился на работников промышленности, по 10-12% было задействовано в строительстве и на транспорте, более четверти – в сфере услуг, оставшиеся 11-12% - в прочих отраслях.

К трудовой сфере жизни логично также отнести учебу/повышение квалификации, в силу массовой распространенности, высокой общественной значимости и регламентированности данного вида деятельности. Более того, зачастую их трудно разграничить с производительным трудом. В 1960-е годы распространенной практикой являлось совмещение работы с учебой, начиная с ученичества (в училищах или непосредственно на рабочем месте), заканчивая обучением трудящихся в школах рабочей молодежи, профессионально-технических училищах, техникумах и вузах. С другой стороны, в свете активно разрабатывавшейся концепции политехнической школы, старшеклассники и студенты вузов значительную часть времени должны были посвящать производственной деятельности, а выпускники школ - до поступления в вуз два года отработать на производстве. За десятилетие произошел существенный рост образовательного уровня городского населения, увеличилась численность всех категорий обучающихся на всех ступенях образования.

К официально установленному рабочему времени следует прибавить еще как минимум час-полтора «накладных» временных затрат (поездки на работу и с работы, прием-сдача смены, выполнение домашних заданий), которые существенно увеличивались из-за совмещения работы с учебой и распространенной практики сверхурочного труда. В общей сложности в БВ горожанина с производственной/учебной деятельностью было связано порядка 45-50 часов в неделю. Поэтому в будни оставшееся время затрачивалось в основном на удовлетворение естественных потребностей и выполнение неотложных хозяйственных работ.

Во **втором параграфе** «*Общественно-политическая жизнь*» показаны события и явления общественной жизни, наиболее рельефно отразившиеся на уровне повседневности, в преломлении через субъективное восприятие сибиряков и выработку ответных реакций.

В своеобразном рейтинге событий, оцененных горожанами и через полвека как значимые, с огромным отрывом лидирует первый полет человека в космос. Запомнилось сибирским горожанам и невероятного размаха промышленное и гражданское строительство, повсеместное насаждение кукурузы, денежная реформа, поднятие целины, попытка строительства коммунизма. Из внешней политики того периода наиболее памятен до сих пор Карибский кризис.

Образ Н.С. Хрущева в восприятии обывателей не сложился в харизматическую фигуру, хотя в начале своего правления сменивший И.В. Сталина лидер породил надежды и чаяния. Основную причину неудач политики Хрущева люди видят в провале хозяйственных реформ, и в первую очередь – в части снабжения страны продовольствием, поэтому сошел он с политического олимпа без сожаления со стороны низов. Но говорить о тотальном разочаровании народа вряд ли правомерно. Во-первых, потому что провалы Хрущева-политика «компенсировались» как очевидными успехами страны во многих областях (от космоса до

миллионов бесплатных благоустроенных квартир), так и изобретательными повседневными контрмерами горожан. Во-вторых, в оценке деятельности Хрущева наиболее заметна полярность, причем положительные отзывы преобладают. Оценка пришедшего ему на смену Л.И. Брежнева более индифферентна. Ничего особенного из «брежневской» части десятилетия люди не запомнили, резкого перепада в своей повседневной жизни не почувствовали. Лишь единицы заметили политическое похолодание. Большинство же информаторов заявило, что политикой они особо не интересовались, и «что Хрущев, что Брежнев – все равно».

Несмотря на очень незначительную величину зафиксированных в БВ временных затрат на общественные дела (в среднем около 5 мин. в день), реальная роль общественного сегмента повседневной жизни была существенной. Городское население практически поголовно участвовало в выборах, демонстрациях, субботниках, соцсоревнованиях, в работе политических и общественных организаций. Наиболее политизированными, но пережившими период явной демократизации, организациями являлись коммунистическая партия и комсомол, самой массовой - профсоюзы, активно работали и другие общественные структуры: добровольные народные дружины, товарищеские суды, женсоветы, домовые комитеты, советы микрорайонов, культурно-просветительские учреждения на общественных началах.

Констатируя резкий всплеск общественно-политической активности в 1960-е годы, применительно к повседневности корректнее выделить две ее составляющие, из которых собственно политическая проявлялась значительно слабее. Несмотря на массовость политических организаций и их огромную причастность к жизни сообщества, известную политизацию и формализацию жизни, заметно усилившуюся к концу периода, не приходится говорить о высоком уровне политической культуры обывателей. Политика по большей части воспринималась лишь постольку, поскольку касалась их непосредственно, оппозиционность сибирского городского сообщества властям в основном не выходила за рамки официально дозволенного. При этом участие в общественной жизни являлось имманентным состоянием ментальности горожан того времени, основанной на энтузиазме, патриотизме, коллективизме, товариществе, романтике свершений, неравнодушном отношении к делам страны, трудового коллектива, микрорайона.

Третий параграф «*Хозяйственно-бытовые дела*» посвящен анализу труда в домашнем и личном подсобном хозяйстве, а также роли сферы бытового обслуживания в организации повседневной жизни городского населения.

Домашний труд является специфической разновидностью общественно-полезного труда, в основном обособленного рамками домохозяйства и непосредственно не регулируемого обществом. В процессе модернизационного перехода и трансформации патриархальной семьи в современную городскую закрепляется тенденция к сокращению ее хозяйственной

деятельности. Курс на «построение коммунизма» предполагал форсирование такой перестройки, на этой волне создавались проекты жилых домов «нового быта», ориентированных на полную замену домашнего труда общественным.

Но в течение всего периода затраты времени на домашний труд продолжали оставаться значительными. Основными операциями являлись кухонные работы, покупка продуктов и промышленных товаров, стирка, уборка. Приготовление пищи было практически каждодневным семейно-бытовым занятием, и, как правило – неоднократным, отнимая около полутора часов преимущественно женского времени. Несмотря на активное развитие сети и впечатляющий рост расходов на общественное питание (в 2,3 раза), пользование столовыми и кафе не стало органичной частью городской повседневности. На поддержание чистоты и порядка в квартире у женщин уходило около получаса в будний и более часа в выходной день, а у мужчин - порядка 10 и 30 мин. соответственно. На уход за одеждой и обувью в будний день у женщин уходило около получаса, в выходной – час-полтора, у мужчин – 3-5 мин. Механизированными прачечными горожане практически не пользовались, но стиральную машину признавали самой полезной техникой в доме. Ее старались купить в первую очередь, и к концу 1960-х годов почти ¾. городских семей это удалось. За десятилетие время хозяйственно-бытовой деятельности не сократилось, но в связи с массовым переездом семей в благоустроенные квартиры и внедрением бытовой техники в домашний обиход существенно изменились ее структура и содержание.

Труд в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ) даже в условиях т.н. «малого раскулачивания», развернувшегося с конца 1950-х годов, оставался значительной частью хозяйственно-бытовой деятельности горожан. В среднем он занимал около получаса в день, но поскольку преобладало растениеводческое направление, концентрация трудовой активности приходилась на период с мая по сентябрь. В семьях, где, несмотря на все запреты, содержали скот и птицу, и зимой до часа затрачивалось на уход за живностью. Либерализация позиции властей по отношению к ЛПХ во второй половине десятилетия привела к резкой активизации «дачного движения» в регионе. Распространенной практикой, помимо работ на собственных дачных участках и огородах, были регулярные выезды городских жителей на уборочные работы в колхозы/совхозы и на подмогу деревенским родственникам.

Анализ бытового обслуживания населения осуществлен в ракурсе затрат времени на пользование услугами и реальной значимости последних для рекреации городской семьи. В течение десятилетия число предприятий бытового обслуживания региона увеличилось почти на ¾, список услуг взрывообразно расширялся, общий их объем в фактических ценах в расчете на душу населения вырос по региону без малого в 4 раза. Но поскольку развитие происходило от низкого исходного уровня, на конец периода соответствующих услуг (преимущественно –

парикмахерскими, банями, ателье) оказывалось примерно на 16 руб. в год на человека, большинство хозяйственных функций осуществлялось по-прежнему самообслуживанием.

Четвертый параграф «*Культурно-досуговые занятия*» посвящен исследованию деятельности, которую субъект организует в основном по своему усмотрению и выбору (отдых, развлечения, занятия творчеством, спортом и проч.).

Среди домашних видов потребления культуры наиболее распространено было чтение, просмотр телевизионных и прослушивание радиопередач. Обращение к печатной информации являлось массовым и регулярным, занимая около получаса в день. Горожане активно пользовались библиотеками, обменивались книгами, практически каждая городская семья Сибири выписывала по 1-2 газеты. Радиотрансляционная точка была в каждой квартире. Телевидение же в 1960-е годы только начинает входить в быт, но сразу покоряет огромную аудиторию. Первоначально загруженность телеэфира была минимальной, работал лишь один канал по нескольку часов в день, телеприемники имелись у 5-7% семей, проживавших в крупных городах, поэтому распространенной повседневной культурной практикой являлись походы в гости «на телевизор». Однако к концу периода телевизоры имелись уже у ¾ городских семей, и просмотр телепередач по длительности перекрыл время радиослушания и чтения.

Из внедомашних видов досуга в шкале популярности у массовой аудитории продолжало лидировать кино. Почти ¾ горожан регулярно бывало в кинотеатрах, предпочитая смотреть приключенческие, комедийные, мелодраматические фильмы. Устоявшимся элементом городского досуга являлось посещение парков культуры и отдыха, бывших средоточием культурной жизни, особенно в летний период. Гораздо более скромную роль в досуговом времяпровождении играло посещение спектаклей и концертов. Поход в театр в основном был «привилегией» горожан, да и не в каждом городе имелся театр. Профессиональные концерты посещались сравнительно нечасто, а выставки и музеи – и того реже. Гораздо активнее население городов, особенно молодых возрастов, принимало участие в вечерах (тематических, литературных, танцевальных), беседах, диспутах.

Распространенным способом проведения свободного времени являлся прием и посещение гостей, составляя в БВ 30-40 мин. в день, но поскольку данный вид досуга приходился в основном на выходные и праздничные дни, то время «гостевания» составляло 3-4 часа. Горожане отмечали почти все государственные праздники, официально пополнившиеся в середине десятилетия Днем Победы 9 мая и Международным женским днем 8 Марта. Из бытовых праздников «справляли» дни рождения, новоселья, проводы на пенсию и в армию. Из религиозных праздников наиболее почитались Рождество и Пасха, хотя в условиях развернувшегося наступления властей на церковь делалось это «тайно».

На творческие занятия (участие в самодеятельных коллективах, рационализаторство, техническое творчество, коллекционирование, прочие личные увлечения) у горожан условно уходило около 15-20 мин. в день. Наиболее распространенной формой творчества, и одновременно неотъемлемой частью духовной культуры общества, традиционно являлась художественная самодеятельность. К любительству можно отнести и занятия физкультурой, спортом, туризмом. Многое было сделано в те годы для привлечения широких слоев населения к физической культуре, внедрения спортивных и оздоровительных мероприятий в повседневную жизнь. Большой популярностью, особенно с переходом на пятидневку, пользовались «походы выходного дня», экскурсии, коллективные выезды на природу. Во время отпусков горожане нередко отдыхали в санаториях, домах отдыха.

В целом исследование зафиксировало высокую субъективную значимость и тесную взаимосвязь всех сфер повседневной жизни сибирских горожан в исследуемый период. Серьезные изменения коснулись каждой из них, но приоритет по-прежнему оставался за производственной и хозяйственно-бытовой деятельностью.

В **заключении** подводятся итоги и делаются обобщающие выводы.

1960-е годы были временем кардинальных изменений повседневной жизни сибирских горожан во всех звеньях системы «обитатели – среда обитания – деятельность». Это был особый период в развитии городского населения региона и модернизационной трансформации семейного института, в создании качественно новых жизненных условий, поведенческих практик и ментальных структур, что позволяет рассматривать их как цельную эпоху открытия невиданных ранее шлюзов мобильности и адаптационных возможностей, небывалого динамизма перемен. При отсутствии явно выраженной дифференциации жизненного уровня подавляющей массы горожан, это было уже не «равенство в нищете», т.к. значительно поднялась сама планка среднего достатка. В немалой степени тому способствовали изменения в социальной политике и становление социально-ориентированной экономики. Впервые после долгой стагнации жизненного уровня населения и политики сдерживания потребления берется курс на удовлетворение комплекса насущных человеческих потребностей. Формирование качественно новой среды обитания с неизбежностью меняло ритм и алгоритм жизнедеятельности. Большую роль в этом играли и сами горожане, заметно корректировавшие регламентирующие акты и данные официальной статистики посредством выработки повседневных адаптивных стратегий и тактик. В целом активно протекавшие процессы формирования реальных горожан и городской повседневности не были завершенными в рамках десятилетия. Но уже к концу 1960-х годов они в большей или меньшей степени охватили около трех четвертей сибирских горожан, что следует из экстраполяции результатов измерения ГОЖ по авторской шкале на всю совокупность городских жителей региона, с учетом их

пропорционального распределения по типам населенных пунктов. Тем самым был задан устойчивый вектор перспективного развития городского сообщества, среды, образа жизни.

Список основных работ, опубликованных по теме диссертации

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Рафикова, С. А. Народные мемуары как источник по истории советской повседневности / С. А Рафикова // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. – 2009. – №2. – С.74-78.
2. Рафикова, С. А. Историко-фамилистические исследования в учебном процессе / С. А. Рафикова // Преподавание истории в школе. – 2010. – №4. – С.39-44.
3. Рафикова, С. А. Сибирский стиляга: нонконформизм на провинциальной почве? / С. А. Рафикова // Родина. – 2010. – №9. – С. 149-152.
4. Рафикова, С. А. «По проспекту, словно манекен…» Образ стиляги глазами сибирских обывателей / С. А. Рафикова // Родина. – 2010. – №10. – С. 135-138.
5. Рафикова, С. А. Городская семья Сибири в 1960-е годы: размер, состав, структура // Вестник Поморского университета. – 2010. – №9. – С. 53-56.
6. Рафикова, С. А. Динамика, численность и размещение городского населения Красноярского края в 1960-е гг. / С. А. Рафикова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2010. – №4. – С.96-100.
7. Рафикова, С. А. Изучение истории и культуры повседневности: опыт интеграции научной и преподавательской деятельности / С. А. Рафикова // Преподавание истории в школе. – 2011. – №2. – С.16-19.
8. Рафикова, С. А. «И вечером в городе Ачинске было шествие с факелами…» / С. А. Рафикова // Родина. – 2011. – №4. – С. 23-25.
9. Рафикова, С. А. Стратегии продовольственного обеспечения и тип питания сибирских горожан в 1960-е годы / С. А. Рафикова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. – №5. – Ч. 1. – С. 169-172.
10. Рафикова, С. А. «Живая история» (или, какой же слон на самом деле?) / С. А. Рафикова // European Social Science Journal. – 2011. – №12. – С. 301-309.
11. Рафикова, С. А. Колобок в гетрах: Никита Сергеевич, каким его помнят сибиряки… / С. А. Рафикова // Родина. – 2012. – №12. – С. 8-11.

Монографии и сборники документов:

12. Рафикова, С. А. Быт рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е годы: монография / С. А. Рафикова. – Красноярск: СибГТУ, 2007. – 254 с.

13. Рафикова, С. А. Уровень жизни населения / С. А. Рафикова // Красноярский край в истории Отечества: хрестоматия. Кн. 4. 1954-1985. – Красноярск: Кн. изд-во, 2001. – С.129-190.

Статьи в других научных изданиях:

14. Рафикова, С. А. Особенности материально-бытового положения промышленных рабочих Западной Сибири в 1961-1965 гг. / С. А. Рафикова // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Бахрушинские чтения. 1990 г. – Новосибирск: НГУ, 1990. – С. 122-131.

15. Рафикова, С. А. Досуг трудящихся Западной Сибири в условиях массового перехода на пятидневную рабочую неделю / С. А. Рафикова // Социально-культурное развитие Сибири. Бахрушинские чтения 1991 г. – Новосибирск: НГУ, 1991. – С. 110-119.

16. Рафикова, С. А. Источники изучения быта рабочих промышленности / С. А. Рафикова // Проблемы истории Сибири: источниковедение и историография. Бахрушинские чтения 1992 г. – Новосибирск: НГУ, 1992. – С. 132-136.

17. Рафикова, С. А. Питание населения Западной Сибири в 1960-е годы / С. А. Рафикова // XX век: исторический опыт аграрного освоения Сибири: материалы республиканской научной конференции. – Красноярск: КГУ, 1993. – С. 277-280.

18. Рафикова, С. А. Обеспечение рабочих Западной Сибири промышленными товарами в 1960-е годы / С. А. Рафикова // Российская научно-практическая конференция «Проблемы химико-лесного комплекса»: сборник научных трудов. – Красноярск: КГТА, 1994. – С. 108-113.

19. Рафикова, С. А. Доходы сибиряков: мифы и реальность / С. А. Рафикова // Современное российское общество: осмысление прошлого, поиск достойного будущего: тезисы научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярская ассоциация социологов, 1995. – С. 170-173.

20. Рафикова, С. А. Хозяйственная реформа 1965 г. в промышленности и доходы / С. А. Рафикова // Перестройки в российской истории: исторический опыт и уроки XX века: сборник тезисов республиканской научной конференции. – Красноярск: РИО-Пресс, 1996. – С. 138-140.

21. Рафикова, С. А. Динамика денежных доходов и расходов населения Западной Сибири в 1960-е годы / С. А. Рафикова // Социально-демографические проблемы истории Сибири XVII-XX вв.: межвузовский сборник научных трудов. – Новосибирск: НГУ, 1996. – С. 126-131.

22. Рафикова, С. А. Городская семья Западной Сибири в 1960-е годы / С. А. Рафикова // Социокультурное освоение Сибири: духовно-исторические чтения. Вып.2. – Красноярск: КрасГАСА, 1997. – С. 118-124.

23. Рафикова, С. А. Обследования бюджетов времени как исторический источник (на материалах Сибири) / С. А. Рафикова // Вопросы социально-экономического развития и культуры Красноярского края в документах архивного фонда: тезисы научно-практической конференции. – Красноярск: ГАКК, 1997. – С. 151-156.

24. Рафикова, С. А. Бытовое обслуживание горожан Западной Сибири в 1960-е годы / С. А. Рафикова // Вестник СибГТУ. – 1999. – №2. – С. 163-170.

25. Рафикова, С. А. Социальное развитие Красноярского края в 1960-1985 гг. / С. А. Рафикова // Лесной и химический комплексы: проблемы и решения: сб. статей по материалам всероссийской научно-практической конференции: в 4 т. – Красноярск: КГТА, 2004. – Т.4. – С. 297-302.

26. Рафикова, С. А. Красноярцы: опыт историко-фамилистического исследования / С. А. Рафикова // Край большого будущего: история, действительность, перспектива: материалы научно-практической конференции. – Красноярск: Б.и., 2004. – С. 152-157.

27. Рафикова, С. А. Демографические последствия войны / С. А. Рафикова // Пусть помнит мир спасенный. – Красноярск: СибГТУ, 2005. – С. 54-58.

28. Рафикова, С. А. Городские миграции в Красноярском крае в 1960-е годы: проблемы динамики, типологии, адаптации / С. А. Рафикова // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири: сб. научных трудов. Вып.1. – Новосибирск: Параллель, 2006. – С. 126-146.

29. Рафикова, С. А. Повседневная культурная жизнь рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е гг. / С. А. Рафикова // Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX-начало XXI вв.): сб. научных трудов. Вып.2. – Новосибирск: Параллель, 2007. – С. 115-142.

30. Рафикова, С. А. Поселенная структура городского населения Красноярского края в 1960-е годы / С. А. Рафикова // История образования и науки в Сибири: материалы всероссийской научной конференции с международным участием. Вып.3. – Красноярск: КГПУ, 2009. – С. 211-215.

31. Рафикова, С. А. Проблема идентификации горожан Красноярского края в 1960-е годы / С. А. Рафикова // Становление индустриально-урбанистического общества в Урало-Сибирском регионе: подходы, исследования, результаты: материалы межрегиональной научной конференции. – Новосибирск: Параллель, 2010. – С. 205-214.

32. Рафикова, С. А. Субкультура или подражательство? Стиляги сибирской провинции [Электронный ресурс] / С. А. Рафикова // Культурологический журнал. – 2010. – №2. – Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/

33. Рафикова, С. А. Урбанизационно-индустриальное развитие Красноярского края в 1960-е годы как предпосылка создания ТПК / С. А. Рафикова // Формирование и развитие

Сибирских территориально-производственных комплексов: сборник научных трудов. – Новосибирск: Параллель, 2011. – С. 71-79.

34. Рафикова, С. А. Два дня из жизни Юрия Гагарина: космонавт на красноярской земле / С. А. Рафикова // История в подробностях. – 2011. – №3. – С. 56-67.

35. Корчевская, О. В. Исследование идентификаторов городского образа жизни красноярцев 60-х годов с помощью нейронных сетей с учителем / О. В. Корчевская, С. А. Рафикова // IX всероссийская конференция по теоретическим основам проектирования и разработки распределенных информационных систем (ПРИС-2011). – Красноярск: ООО «Формат», 2011. – С. 58-60.

36. Корчевская, О. В. Идентификация городского образа жизни красноярцев с помощью самоорганизующихся карт Кохонена / О. В. Корчевская, С. А. Рафикова, Д. В. Сельвенис, О. В.Пригодин // Прогресивные технологии создания и использования цифровых образовательных ресурсов: материалы II всероссийской научно-практической конференции. – Красноярск: СибГТУ, 2011. – С.104-110.

37. Рафикова, С. А. Источники по истории ускользающей советской повседневности / С. А. Рафикова // Актуальные научные вопросы: реальность и перспективы: сборник научных трудов по материалам международной заочной научно-практической конференции. Ч 3. – Тамбов: «Бизнес-Наука-Общество», 2012. – С. 101-103.

38. Рафикова, С. А. Архив (музей) «Живой истории» и современные информационные технологии [Электронный ресурс] / С. А. Рафикова // Тезисы доклада на XVI Ежегодной международной научно-практической конференции АДИТ–2012 «Культурное наследие и информационные технологии». – Петрозаводск, 2012. – Режим доступа: http://www.adit.ru/rus/conference/adit2012/papers/ paper.asp?nomer=33.

39. Rafikova, S. A. Living history of everyday life / S. A. Rafikova // European Applied Sciences. – 2012. – №1. – P. 56-57.

40. Рафикова, С. А. Сибирские горожане шестидесятых: социодемографический портрет / С. А. Рафикова // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы урбанизации и индустриализации: материалы межрегиональной научной конференции. - Новосибирск: Параллель, 2013. - С. 318-330.

41. Rafikova, S. A. «The thaw», which did not become the spring: the social and political life of the Siberian townspeople / S. A. Rafikova // Modern socio-political processes in Russia, Europe states and the USA macro region. Volume 1. – New York: CIBUNET Publishing, 2013. – P. 22-31.